

III. ИДЕИ МАРТИНА ЛЮТЕРА В ГОРИЗОНТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

С.В. Никоненко
(Санкт-Петербург)

ЛЮТЕР И ЛОКК О СУЕВЕРИИ

Вопрос о природе веры связан не только с вопросом о природе знания. Соотношение знания и веры волнует европейских мыслителей лишь последние два столетия. В классическую эпоху вера рассматривается как нечто совершенно бесспорное; это одна из особенностей человеческой природы, запечатленной самим Богом. Но поскольку у человека есть только безусловная способность веры, она еще не гарантирует правильного применения. В связи с этим проблема правильного применения способности веры неотделима от анализа неправильного применения данной способности, что влечет суеверие, т. е. ложное, произвольное верование. Вера и суеверие становятся настолько неотделимыми друг от друга, что это превращается в фундаментальную проблему философии религии. Оговорим особо, что мыслители редко прямо рассуждают о «суеверии»; они больше рассуждают о «слепой вере», «ложной вере», «заблуждении» и т. д.

В конкретно-исторических условиях Реформации в Новое время в центр дискуссии о вере и суеверии встает также и церковный вопрос. Примеры ложной веры, неразумных заблуждений и установлений начинают черпать не только в особенностях природы человека, но и в церковной истории.

В условиях религиозной мысли XVI–XVII вв. появляются два типа доктрин о вере и суеверии. Объединенные общей тональностью неприятия церковности, они тем не менее противоположны в трактовке роли веры в жизни человека. Именно поэтому

предметом данной статьи служит сопоставление учений о вере Мартина Лютера и Джона Локка.

Я попытаюсь доказать, что способность веры и суеверия у Лютера фатально предопределена Богом и включает в себя *правильное понимание*, тогда как у Локка отсутствует предопределенность и на первый план выходит *рациональный выбор* правильной веры. Это обуславливает то, что в эпоху Просвещения проект Лютера оказывается удачным в церковном отношении, но не востребованным в плане антропологического понимания веры и взаимоотношений человека и Бога.

Лютер пишет: «Таким образом, истинная вера во Христа — это несравненное богатство, которое приносит с собой полное спасение и избавляет человека от всяческого зла».¹ По Лютеру, таким образом, достаточно только *обладать* верой; она выступает как данность. Поскольку вера врождена, то надо просто уловить ее в своем сердце. И, наоборот, суеверно настроенные люди склонны к гордыне, корысти. Они продают индульгенции и берутся судить о Боге на основе своих конечных представлений. Такие люди не могут быть добропорядочными христианами. Это особенно очевидно, когда касается папы и католической церкви. «Пусть будет прекращен обряд целования ног у папы. И то, что жалкий, грешный человек дает целовать свою ногу тому, кто во сто раз лучше его, — это образец нехристианских, более того — дьявольских нравов... Сравните их: Христа и папу. Христос омыл и отер ноги своим ученикам, а ученики никогда не омывали Ему ног»,² — пишет Лютер. Он считает, что никакие обряды, никакие теологические изыскания не заменят чистоты помыслов и доброго нрава. «Следует также сократить число богословских книг и изучать лишь лучшие, ибо множество книг не делают человека образованным и многочасовое чтение — тоже. Добрый нрав и частое обращение к книгам, как бы кратковременно оно ни было, — вот что делает человека осведомленным в Писании,

¹ Лютер М. Избранные произведения. СПб., 1994. С. 28.

² Там же. С. 84.

да к тому же еще и благочестивым»,³ — полагает Лютер. На первый взгляд кажется, что Лютер даже враждебен знанию о Боге, но это не совсем так. Он хочет вернуть веру к своей подлинной основе, которая для него не в разуме, а в сердце. Наряду с «писанным», «книжным» знанием есть «интуитивное» знание, которое Бог напрямую запечатлел в человеческом сердце.

Поэтому вера для Лютера становится предметом *предопределения*. Человек, считая себя свободным, обычно сам себя ослепляет, воображая, что может сравниться с Богом. На самом деле сомнение относительно разума и свободы воли ведет человека к суевериям и отпадению от Божества. В одном месте Лютер пишет: «Значит, Иоанн проповедует вовсе не могущество свободной воли, а богатство царства Божьего, принесенное в мир через Евангелие. В то же время он показывает, сколь мало таких, которые его принимают. Иоанн как раз борется против свободной воли, сила которой в том и состоит, что в ней царствует сатана».⁴ Нельзя однозначно предположить, что Лютер был противником свободы воли и рационального выбора. Сама природа Реформации заключается в попытке внести в христианскую веру личное отношение, внутреннюю духовную жизнь. Тут, скорее, у Лютера возникает противоречие. Раскрепощая свободу веры, он настаивает на чисто служебной функции свободы и разума. Они даны только для того, чтобы доказать единственность подлинной веры, которая от Бога, а не от человека. Каким образом? Через знакомство с заблуждениями, к которым ведет свобода без веры. Воля и разум свободны; способность к суеверию есть всегда. Но они призваны разочаровать человека и косвенно привести к чувству смирения перед Богом и вере в предопределение.

Иной точки зрения на эти вопросы придерживается основоположник философии религии Просвещения Джон Локк. Пожалуй, наиболее полно Локк согласен с Лютером в церковном вопросе; тут взгляды мыслителей практически совпадают. И Лютер, и Локк

³ Там же. С. 110.

⁴ Там же. С. 282.

связывают суеверия с обрядами католической церкви, выступая за решительную отмену большинства из них. Локк прямо говорит о служебной и символической функции обрядности. Купание младенца при крещении никак не изменяет его природы; это просто общепринятый обряд, установленный традицией.

Будучи эмпириком, Локк не верит в предопределение и врожденные идеи, но считает, что способность веры естественна и внесена в человека Богом. Он пишет: «Хотя Бог не дал нам врожденных идей о себе... однако он дал нам способности, которыми наделен наш ум, и тем оставил о себе свидетельство. У нас есть чувство, восприятие и разум; и у нас не может быть недостатка в ясном доказательстве бытия Божия, пока мы имеем дело с самими собой».⁵ Вера является способностью человеческой природы; поэтому положения Откровения могут быть непосредственно убедительны для человека.

Локк стремится убедить в том, что подлинная вера больше всего страдает от теологического подхода. Он считает глубоким заблуждением науку о толковании Бога, поскольку разум конечен. Заблуждение и суеверие тем самым — это *преувеличение* человеческой способности рационально судить о Боге. «Признавать возможным для Бога лишь то, что мы в состоянии из его действий постигнуть, — значит либо делать бесконечным наше понимание, либо делать конечным Бога», — пишет Локк.⁶ Вера в Откровение не означает веры в то, что знание человека об Откровении изначально правильно; такая позиция ведет к суевию. Человек, по Локку, вообще не может пойти дальше пределов своего разума. Он просто больше не может вместить. Локк не верит в возможность особого пути общения с Богом. Он считает, что мистика ни на чем не основана. Божественное Откровение абсолютно, но человек понимает в нем ровно столько, сколько он может по своей природе, а большего он никогда не узнает. «Предметом веры являются вещи, не противные разуму и сообщенные посредством откровения»,⁷ — считает Локк. Английский

⁵ Локк Дж. Соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1985. С. 97.

⁶ Там же. С. 108.

⁷ Там же. С. 174.

мыслитель крайне скептически относится к учению о богоизбранности. Все люди одинаковы по своей природе. Нельзя сказать, что один человек имеет более близкую, более интимную связь с Богом, чем другой. Бог творит людей совершенно равными по своим способностям, и в этом он бесконечно справедлив. Поэтому крайним суеверием является стремление некоторых людей делать себя «учителями» в вопросах веры. «Не удивительно поэтому, что некоторые люди были чрезвычайно склонны приписывать себе откровение и убеждать себя в том, что они находятся под особым водительством неба в своих действиях и мнениях, тем более тех, которые они не могут объяснить при помощи обычных методов познания и принципов разума»,⁸ — отмечает мыслитель. Не утверждая ничего прямо, Локк намекает на то, что священники должны играть лишь социальные функции, а теология является софистической и ложной наукой. Юм и Кант впоследствии прямо критикуют теологию, представляя ее собранием человеческих заблуждений и суеверий.

Очевидно, что дело Лютера Локк романтизировал в духе рационализма своей эпохи. Такие люди, как Лютер, выступают за чистоту веры, которая имеет собственное место в природе человека. Вера оказывается чисто личным осознанием Бога и откровения. По Локку, Лютер выступал за чистоту веры, но и вместе с тем за разделение веры и разума по своим функциям. Совершенно очевидно, что подлинный, исторический Лютер не был таким «свободомыслящим» человеком и не имел рационалистических заблуждений. Лютер находился под влиянием позднесредневековой мистики и верил в фатальность предопределения. Однако интерпретация Локка чрезвычайно ценна, так как это одна из самых ранних попыток синтеза идей Реформации и рационалистических убеждений Просвещения. В этом отношении при всех трансформациях Локк много сохраняет от духа лютеранства, формируя подход власти к христианству и общественное мнение в вопросах веры. К тому же надо учесть, что эпоха глобальных церковных реформ ко времени Локка

⁸ Там же. С. 179.

уже прошла, и он искал скорее светских, нежели богословских аргументов для обоснования веры.

Пожалуй, оба мыслителя единоклюны в том, что вера и разум имеют разную природу, и суждения разума в вопросах веры легко ведут к суеверию. «Вера стоит сама по себе и на своих собственных основаниях. Она не может быть снята с этих оснований и помещена на основание познания»,⁹ — считает Локк. Подобную точку зрения, вероятно, разделял бы и Лютер. Именно Лютер был одним из ее основоположников.

⁹ Там же. С. 354.